

О ХАРАКТЕРАХЪ.

(Критико-психологическій очеркъ Евгенія Жураковскаго) ¹⁾.

Х.

Въ классификаціи характеровъ задача заключается въ томъ, чтобы опредѣлить психологическую природу каждой группы основныхъ и сложныхъ характеровъ, описать ближайшія разновидности, свойственныя этимъ группамъ, и къ психологическимъ схемамъ присоединить примѣры. Между описываемыми формами характеровъ не будетъ рѣзкихъ границъ, многія черты будутъ общими нѣсколькимъ группамъ, такъ какъ въ психологической области, какъ и вообще въ природѣ, нѣтъ скачковъ и строгихъ разграниченій. Примѣрами будутъ служить типы, т. е. художественныя обобщенія, разрозненныхъ въ дѣйствительности характеровъ, въ отдѣльныхъ конкретныхъ индивидуальныхъ образахъ. Являясь замѣстителями цѣлой группы однородныхъ характеровъ, они рѣдко заключаютъ въ себѣ всѣ основныя ихъ черты и не могутъ служить полной обрисовкой описываемой группы; съ другой же стороны въ литературныхъ типахъ рѣдко наблюдается психологическая законченность и цѣльность, которая позволяла бы всецѣло пользоваться ими, какъ объяснительными иллюстраціями, и большею частью приходится имѣть въ виду лишь нѣкоторыя черты, съ достаточною рельефностью обрисованныя въ приводимомъ литературномъ образѣ,—вопросъ поэтому лишь въ томъ, чтобы установить твердыя психологическія основанія для орьентировки въ безчисленномъ разнообразіи сложной дѣйствительности.

¹⁾ Продолженіе. См. „Бог. Вѣстн.“ Июль—Августъ, 1908 г. стр. 509—534.

Низшую форму въ классификаціи характеровъ представляютъ чаще всего наблюдаемыя въ жизни импульсивныя натуры, психофизической стороной которыхъ является сангвиническій темпераментъ. Характереологія опредѣляетъ эту группу отрицательными чертами. Слабыя мимолетныя раздраженія находятъ себѣ соотвѣтствія въ ничтожныхъ по силѣ и скоропереходящихъ ощущеніяхъ, мимолетныхъ чувствахъ, безсвязныхъ представленіяхъ и поступкахъ исключительно рефлекторнаго характера. Волненіе данной минуты, не находя противодѣйствія ни въ другихъ чувствованіяхъ, ни въ связанныхъ съ ними прочно ассоціированныхъ представленіяхъ, реализуется непосредственно въ дѣйствіяхъ, энергія которыхъ немедленно истощается. Слабые элементы личности не объединены въ достаточной степени, чтобы создать вполне опредѣленную индивидуальность. Отличительною особенностью этой формы характера является разъединеніе духовныхъ элементовъ безъ опредѣленнаго преобладанія эмоциональныхъ, волевыхъ или интеллектуальныхъ процессовъ. Стремленія вызываются первыми случайно попавшимися обстоятельствами и свободно и ирраціонально развиваются, безъ противодѣйствія другихъ внутреннихъ стремленій. Порывъ, вспыхнувшій внезапно по какому нибудь самому ничтожному обстоятельству, нарушаетъ психическое равновѣсіе внутреннихъ силъ, является импульсомъ для поступковъ и вдругъ при самомъ незначительномъ поводѣ совершенно неожиданно круто измѣняется и приводитъ къ дѣйствіямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ первыми. Отличительныя психологическія черты этой формы характера—отсутствіе умственного контроля и волевыхъ процессовъ задержки. Поэтому сильныя и быстро преходящія ощущенія вызываютъ неправильныя истолкованія, что въ интеллектуальной сферѣ приводитъ къ господству иллюзіи надъ трезвыми и правильными представленіями,—въ области чувствованій къ чрезмѣрнымъ колебаніямъ, неустойчивости и непостоянству, а въ волевой сферѣ къ всевозможнымъ сумасброднымъ поступкамъ.

Геній Шекспира извлекъ изъ реальныхъ чертъ этой формы характера данныя для завязки трагедіи „Король Лиръ“. Импульсивныя черты составляютъ основу характера Лира. Ослѣпленный лестью Лиръ приводитъ въ исполненіе свой сума-

сбродный замыселъ вопреки голосу трезваго разсудка, говорящаго устами Кента, и вопреки прежнимъ чувствамъ и отношеніямъ. Трагическія послѣдствія и характеръ раскаянія обнаруживаетъ въ Лирѣ основныя черты импульсивной природы.

Въ характерѣ Гамлета не мало импульсивныхъ чертъ соотвѣтственно тому, что въ его темпераментѣ много сангвиническихъ элементовъ. Выражаясь преимущественно во 2-ой сценѣ, при театральной постановкѣ искусственно придуманной Гамлетомъ пьесы, въ его разговорѣ съ матерью и въ отношеніяхъ къ придворнымъ,—импульсивныя черты его характера дали многимъ извѣстнымъ критикамъ ложный поводъ считать его ненормальнымъ ввиду его притворнаго сумашествія. Импульсивность является, конечно, только одной изъ второстепенныхъ чертъ въ образѣ Гамлета.

Основными условіями, служащими для возникновенія и развитія этой формы характера, являются—отсутствіе воспитанія, беспорядочныя впечатлѣнія дѣтства, не развивающія глубокихъ чувствъ, не внушающія руководящихъ началъ и не возбуждающія цѣлесообразной энергіи. Особеннаго развитія достигаетъ эта форма характера въ сферѣ безначалія и произвола.

Эпоха крѣпостничества и атмосфера темнаго царства, не давая живительныхъ соковъ для развитія нормальной индивидуальности, служили колыбелью для сформированія импульсивныхъ натуръ.

Между представителями импульсивнаго характера есть типы высшаго порядка, у которыхъ внезапно возникаютъ живыя и сильныя впечатлѣнія безусловнаго достоинства, но такъ какъ этотъ характеръ дѣйствуетъ только подъ коротковременнымъ вліяніемъ импульса, то они также неожиданно проходятъ, погружая опять личность въ обыденную инерцію. Нѣтъ опредѣленной профессіи, которая была бы по преимуществу сферою дѣятельности импульсивныхъ характеровъ. Выборомъ ихъ профессіи руководить случай, и они всюду и всегда вносятъ съ собою капризы, смуту и беспорядокъ.

Сангвиническій темпераментъ есть по преимуществу темпераментъ дѣтей и импульсивный характеръ умѣстенъ только въ дѣтскомъ возрастѣ.

XI.

Отъ импульсивныхъ формъ характера наблюдается постепенный переходъ къ низшимъ формамъ эмоціональной группы, психо-физической стороною которой служить меланхолическій темпераментъ. Сильныя, но медленныя разсужденія, расходясь всецѣло въ нервныхъ чувствительныхъ волокнахъ, производятъ медленныя и сильныя реакціи въ органахъ внутренней жизни, слѣдствіемъ которой являются эмоціи. Въ низшихъ формахъ этой группы преобладаютъ эмоціи, тѣсно связанныя съ ощущеніями и находящіяся въ прямомъ отношеніи къ органическимъ возбужденіямъ. Эти простыя чувства находятся въ полной зависимости отъ внѣшнихъ стимуловъ окружающей дѣйствительности. При переходѣ къ болѣе возвышеннымъ характерамъ этой группы наблюдаются эмоціи болѣе высокаго порядка, образуемая изъ сплетенія простѣйшихъ чувствованій, отъ группировки которыхъ зависятъ настроеніе и вкусы, опредѣляющіе индивидуальность. Эти сложныя чувствованія возникаютъ въ связи съ теченіемъ интеллектуальныхъ процессовъ, возбуждая эстетическія эмоціи и художественныя, богатыя внутреннимъ содержаніемъ, волненія, въ которыхъ органическія возбужденія играютъ уже самую незначительную роль.

Въ самыхъ высшихъ формахъ эмоціональной группы характеровъ возникаютъ сложныя чувства, объединенныя теченіемъ непрерывнаго преемства, различающіяся по качеству и по быстротѣ процесса.

Послѣдовательное чередованіе чувствъ обогащаетъ нѣрѣдко умственный міръ индивидуальности альтруистическими стремленіями и идеалами.

Низшую разновидность эмоціональной группы характеровъ представляютъ „смиранные“ типы. Отличительными чертами ихъ служитъ—безотвѣтственность, отреченіе отъ собственной личности, отсутствіе проблесковъ инициативы и мысли.

Они живутъ съ безотвѣтной амбіціей и съ безотвѣтными чувствами, далеко скрытыми въ этихъ загнанныхъ личностяхъ. Эти натуры вѣчно чувствуютъ свое ничтожество и проводятъ жизнь въ постоянномъ трепетѣ, въ состояніи вѣчнаго безпокойства и робости, т. к. малѣйшія неудачи ихъ безгранично потрясаютъ. Ихъ поступки отличаются непостоянствомъ, легко подгоняются подъ официальные тре-

бованія ихъ положенія и находятся во власти суровой и угнетающей ихъ дѣйствительности, и только въ глубинѣ души ихъ неугасаемо теплится огонекъ протеста, робко проявляемый въ минуты меланхоліи и мечтательности, такъ свойственныя этому характеру.

Могучій талантъ Достоевскаго съ художественною силою и глубиною психологическаго анализа изобразилъ ихъ въ незабвенныхъ образахъ „Макара Алексѣевича Дѣвушкина“, господина „Голядкина“ и въ повѣсти „господинъ Прохарчинъ“. Смиренная, загнанная, забитая душа Дѣвушкина проявляется въ письмахъ „къ Варенькѣ“. Въ моментъ раздвоенія слабаго, безличнаго и необразованнаго Голядкина, растроенная фантазія его забитаго существа воплощаетъ въ своемъ двойникѣ тѣ черты искательства, пронырства, противъ которыхъ возмущается его натура, но благодаря которымъ, какъ онъ наблюдалъ, выбиваются нерѣдко люди изъ состоянія загнанности и забитости.

Вѣчная боязнь пожаровъ, болѣзней, внезапныхъ увольнений отъ службы преслѣдуетъ „Прохарчина“. Неотразимо горькая мысль о необезпеченности его положенія вызываютъ рѣшеніе копать подъ тюфякомъ деньги и, наконецъ, сводить въ могилу этого загнаннаго человѣка, здоровье котораго не переноситъ постоянной тоски, страха и смиренія.

— Условія, наиболѣе способствующія возникновенію и развитію этой формы характера, вся жизнь котораго сводится къ непрестанному изныванію слабаго сердца, имѣютъ по преимуществу мѣсто въ русской жизни. Воспитаніе въ духѣ смиренія и безотвѣтности, обиды и униженія безъ ропота претерпѣваемыя съ ранняго дѣтства, забивающія уваженіе къ своей личности и затемняющія мысль о своемъ правѣ, составляютъ главное семейное условіе, окружающее ихъ съ дѣтства. Оффиціальныя основы чиновничьей жизни, парализующія и уничтожающія слабую личность силою непреодолимаго механизма, являются социальными условіями, благоприятствующими развитію смиреннаго типа. Иллюстраціей къ этой формѣ характера являются также пассивныя и безотвѣтныя женскіе типы Островскаго, обезличенныя и загнанныя непрестаннымъ давленіемъ деспотизма и самодурства, съ забитою волею и съ слабымъ развитіемъ умственныхъ способностей.

XII.

— Другою разновидностью эмоциональной формы характера, уже болѣе сложной и возвышенной, являются художественныя натуры и *артисты въ области искусства*. Облекая въ художественную форму эстетическія и интеллектуальныя эмоціи въ ихъ преемствѣ и совокупности взаимодействія, при посредствѣ просвѣтленнаго талантомъ сознанія, эти служители искусства пробуждаютъ возвышенныя эмоціи въ людяхъ, просвѣтляютъ и облагораживаютъ стихійныя ихъ страсти, способствуя высшему развитію душевнаго склада.

Живое воображеніе въ этой формѣ характера находится въ гармоническомъ соотвѣтствіи съ артистическими эмоціями и страстями. Отдѣльныя чувствованія находятся въ ассоціаціи съ другими, обогащаются вліяніемъ идей и воспоминаній и резюмируются въ гармоническихъ сочетаніяхъ, облекающихся въ формѣ звуковъ, красокъ и образовъ, смотря по преобладанію зрительныхъ или слуховыхъ ощущеній. Эти ощущенія доставляютъ чисто физиологическое удовольствіе, а затѣмъ приобрѣтаютъ характеръ наслажденій художественныхъ. Удовольствіе облекать воодушевляющія чувства въ эстетическую форму составляетъ основу этихъ характеровъ. Въ образѣ отца „Нечки Незвановой“ Достоевскій изображаетъ такую форму характеровъ, которая составляетъ переходъ отъ смиреннаго типа къ артистическому. Заклячая въ своей душѣ всѣ черты загнаннаго, забитаго и униженнаго существа, несчастный старикъ превращается въ могучаго самобытнаго творца въ тѣ минуты, когда онъ облекаетъ въ волшебныя звуки музыки горькія волненія измученной души. Поклонникъ Баха и Генделя, знатокъ своего дѣла, одаренный живымъ воображеніемъ, благородный старикъ „Леммъ“ изъ „Дворянскаго гнѣзда“ представляетъ яркую иллюстрацію серьезной артистической натуры.

— Психологія этой формы характера, при специальномъ, исключительномъ условіи атрофіи отъ рожденія зрительныхъ воспріятій, воплотилъ въ художественный образъ В. Г. Короленко въ „Слѣпомъ Музыкантѣ“. Общія черты этихъ типовъ заключаются въ богатствѣ настроеній, въ многообразіи и глубинѣ чувствъ, элегантности внутреннихъ волненій, художественно выражающихся въ эстетической формѣ въ

сферѣ искусствъ. — Высшую разновидность эмоциональной группы характеровъ представляютъ самоотверженные натуры, особенно часто встрѣчающіяся среди женщинъ. Это пассивныя мученицы альтруистическихъ заботъ о ближнихъ, живущія преимущественно сердцемъ и питающія отвращеніе къ холодному разсудку. Вся жизнь ихъ представляетъ рядъ подвиговъ ради счастья окружающихъ. На пути жертвованія онѣ выказываютъ свои душевныя достоинства, рѣдко цѣнимыя и часто эксплуатируемыя людьми. Въ дѣйствіяхъ самопожертвованія эти формы характера находятъ цѣну жизни, смыслъ существованія, то, что возвышаетъ ихъ въ ихъ собственныхъ глазахъ. Онѣ—героини будней. Эти формы характера развиваются обыкновенно среди неблагопріятныхъ жизненныхъ условий.

Частыя огорченія, невозможность проявленія эгоистическихъ склонностей, вслѣдствіе или чуждой обстановки, или неблагопріятныхъ матеріальныхъ условий, внутренняя замкнутость и обиліе случаевъ для проявленія сочувствія и состраданія, тяготы и жизненныя затрудненія, вырабатывающія терпѣливость и выносливость,—служатъ обычными условиями благопріятствующими развитію этой разновидности эмоциональнаго характера. Достоевскій обрисовываетъ чудный образъ „Сони“, облегчающей душевныя муки „Раскольникова“ послѣ совершеннаго имъ преступленія.

Толстой задуховными чертами описываетъ развитіе самоотверженнаго характера „Сони“, воспитанницы въ семьѣ Ростовыхъ, среди неблагопріятныхъ для нея семейныхъ условий.

Частную разновидность эмоциональнаго характера представляетъ группа индивидуальностей, проявляющихъ себя въ одномъ пунктѣ, во всѣхъ остальныхъ остающихся безличнымъ существомъ. Такой душевный складъ часто встрѣчается среди женскихъ натуръ. Исключительное преобладаніе одной или немногихъ специальныхъ эмоцій характеризуютъ всю личность. Господствующая эмоція завладѣваетъ существомъ, которое, безъ борьбы, легче отказывается отъ жизни, чѣмъ поступаетъ объектомъ своей страсти.

Кроткая, пугливая, слабая, безъ мысли и воли, „Офелія“ только потерю своего разсудка можетъ реагировать на разочарованность „Гамлета“.

XIII.

Нерѣдко интенсивныя эмоціи и страсти вызываютъ непреодолимую потребность дѣйствій и въ этихъ случаяхъ наблюдается переходъ отъ формы чисто эмоціональнаго характера—къ сложной эмоціонально-активной формѣ, въ этомъ случаѣ психо-физическою стороною натуры является темпераментъ, занимающій промежуточное мѣсто между меланхолическимъ и холерическимъ темпераментами. Эти формы характера возбуждаютъ опасенія, если сильныя эмоціи, не просвѣтленныя въ достаточной мѣрѣ яснымъ сознаниемъ, съ чрезмерною энергіею стремятся къ активности, и съ грубостью и жестокостью насилія разрушаютъ препятствія, которыя представляютъ имъ жизненныя условія. Заклучая въ себѣ стихійный элементъ, эти характеры нерѣдко влекутъ къ преступленіямъ.

Среди художественныхъ образовъ Достоевскаго ни мало представителей эмоціонально - дѣятельной группы характеровъ, психологическія особенности которыхъ обрисовываются вполне, если устранить патологическій элементъ, не являющийся, очевидно, характерною чертою группы, такъ какъ психическое расстройство неизбежно является только на почвѣ расстройства органическаго. Тѣмъ не менѣе случаи душевнаго расстройства, большею частью временнаго, нерѣдко наблюдаются именно въ этой группѣ характеровъ.

Являясь слѣдствіемъ чрезмерно интенсивныхъ эмоцій, не умѣряемыхъ силою разума, слѣпая экзальтація всецѣло охватываетъ личность, заглушая остальные стремленія и парализуя другія движенія души. Это можетъ разрушительно подѣйствовать на мозговья ткани и процессы, которымъ органически не свойственна такая усиленная дѣятельность. Поэтому среди персонажей Достоевскаго такъ часто наблюдаются психически ненормальные типы, хотя паталогическія ихъ черты не составляютъ неизбежной необходимости.

Многіе герои „Записокъ изъ Мертваго дома“ являются литературными иллюстраціями къ этой формѣ характера.

Если въ формѣ эмоціонально-активнаго характера интеллектуальные процессы достигаютъ нѣкоторой интенсивности, то представителями этой группы являются пылкіе дѣятели, отличающіеся страстностью и фанатизмомъ. Глубокая чув-

ствительность, соединенная съ разумомъ, способнымъ охватить серьезныя и темныя стороны жизни, воспламеняетъ и вдохновляетъ эти характеры на горячую борьбу за идею. Эпохи общественнаго броженія, революціонныя движенія, религіозный подъемъ духа служатъ благопріятными социальными условіями для возникновенія и развитія этой формы характера.

Громкія историческія имена демагоговъ, миссіонеровъ и фанатиковъ являются конкретными примѣрами этой группы характеровъ. Отличительными чертами эмоціональныхъ дѣятелей является отсутствіе опредѣленно выработанной программы, такъ какъ главными двигателями поступковъ являются эмоціи и страсти.

Въ драмѣ „Эгмонтъ“ въ лицѣ самого „Эгмонта“ Гёте изобразилъ рельефными чертами могучую, пламенную, эмоціонально-дѣятельную натуру благороднаго энтузіаста, юношески вдохновленнаго любовью къ человѣчеству, жертвующаго жизнью для счастья родины.

Частную, эмоціонально дѣятельную форму характера представляютъ натуры, вся активная дѣятельность которыхъ вытекаетъ изъ изолированнаго источника одной страсти, исчерпывающей все психическое содержаніе личности. Эта страсть, обусловленная природною односторонностью личности съ теченіемъ жизни становится все сильнѣе, дѣлается преобладающею и въ концѣ концовъ является единственною характеристическою чертою, объединяющею какъ бы въ одномъ фокусѣ всѣ внутренніе мотивы и импульсы дѣйствія и поступковъ.

Въ обаятельномъ образѣ прекрасной „Дездемоны“, беззавѣтно полюбившей энергичнаго, но безобразнаго мавра Отелло тою высшею, неисчерпаемою любовью, которая въ своемъ чистомъ огнѣ поглотила всѣ другія чувства, всѣ другія склонности и привязанности. Шекспиръ вѣчными чертами съ могучею полнотою всеобъемлющаго воображенія обрисовалъ частично-эмоціонально-дѣятельную натуру, чудно-обольстительную при всеисчерпывающей ея односторонности. Только сила всепоглощающей преданности вдохновляетъ „Дездемону“ объявить съ непоколебимою твердостью всему сенату Венеціи, что она, повинуваясь наслѣдственнымъ чертамъ своей матери, дорожить болѣе мужемъ, чѣмъ отцомъ,

и признаетъ надъ собою только его волю. Умирая, невинно задушенная ослѣпленнымъ ревностью мавромъ, она винить во всемъ себя и только просить Эмилию оправдать ее передъ безгранично любимымъ супругомъ.

— Но не всегда, конечно, страсть, объединяющая всѣ духовныя стремленія этого характера, отличается возвышенною этической силою. Пристрастіе къ богатству, прогрессируя постепенно, приводитъ къ скупости, составляющей единственный источникъ наслажденій, единственные мотивы дѣйствій.

Разновидности подобной группы обрисованы съ неотразимымъ комизмомъ Мольеромъ въ „Скупомъ Гарпагонѣ“ въ трагическомъ, осложненномъ чертою властолюбія и отчасти идеализированномъ образѣ „Скупого Рыцаря“ Пушкина и, съ глубоко потрясающимъ юморомъ съ безошаднымъ трагикомизмомъ въ „Плюшкинѣ“ Гоголя.

Обуреваемые страстью къ приобрѣтенію, поработившею всѣ ихъ чувства, мысли и волю, эти типы являются иллюстраціями группы характеровъ, которые квалифицируются исключительно преобладаніемъ одной эмоціи.

XIV.

— Слѣдующую группу представляетъ эмоціоноально-умственная форма характера, психо-физической стороной котораго является темпераментъ, занимающій промежуточное мѣсто между меланхолическимъ и флегматическимъ темпераментами. Эмоціи въ этой формѣ характера имѣютъ склонность вызывать интенсивные интеллектуальные процессы. Чувство, тратясь на возбужденіе идей, не находитъ достаточной энергіи, чтобы расходиться путемъ дѣйствій. Отсутствіе активности есть основная отрицательная черта этой формы характера. Страсти задерживаются теченіемъ представленій и преобразовываются. Простѣйшія чувствованія переходятъ въ интеллектуальныя эмоціи, пылкость и порывистость чувствъ уменьшается вслѣдствіе взаимодѣйствія между сферой чувствованія и міромъ идей и представленій. Такъ какъ идеи въ этой формѣ характера вызываются по преимуществу подъ вліяніемъ внутреннихъ волненій и чувствъ, то яркой чертой этой формы характера является

внутренняя сосредоточенность. Сознаніе этихъ индивидуальностей всецѣло поглощено внутренней смѣной впечатлѣній, обусловливающихъ теченіе представленій и смѣну мыслей. Въ связи съ внутренней сосредоточенностью является пассивность личности, нежеланіе вмѣшиваться въ ходъ событій и измѣнять ихъ теченіе. Воображеніе, органически свойственное эмоциональной формѣ характеровъ, достигаетъ наибольшаго развитія въ этой группѣ, отличаясь особенной утонченностью и богатствомъ измѣняющихся формъ. Богатство мысли и чувствъ, при недостаткѣ волевой энергіи, вызываетъ въ этой формѣ характера созерцательную наклонность. Наблюдая явленія безъ возможности, вслѣдствіе органическаго своего склада, и безъ желанія, вслѣдствіе любви къ созерцательности и наклонности къ внутренней сосредоточенности, проявлять активность,—эта форма характера лишена возможности выставлять себя дѣятельнымъ звеномъ въ ходъ событій. Чувствуя ихъ силу и всюду видя затрудненія, не питая увѣренной и бодрой надежды на личную инициативу, эта индивидуальность бываетъ подавлена мыслью о непреоборимости порядка вещей, и господствующій тонъ настроенія получается пессимистическій. Высшими представителями этой формы характера являются поэты и тѣ мыслители, которые, въ силу субъективной природы эмоцій, составляющихъ основную черту этой группы, отличаются субъективизмомъ. Наиболее конкретный примѣръ этой формы характера благородная натура Шелли, озаренная лучемъ божественнаго огня, философски мечтательная, отразившая въ своей грустной поэзіи душу полную глубокихъ мыслей и тяжелыхъ страданій, душу проникнутую нѣжной любовью къ человѣчеству.

Сюда принадлежатъ и личности съ религіозно-нравственнымъ складомъ мысли.

„Вся проникнутая чувствомъ долга, боязнью оскорбить кого бы то ни было, съ сердцемъ добрымъ и кроткимъ“, Лиза изъ „Дворянскаго Гнѣзда“ является литературной иллюстраціей къ этой формѣ характера. Ея натура, основанная на нравственномъ чувствѣ, замкнутая въ своемъ личномъ мірѣ, поглощена мистической любовью къ Божеству. Борьба и ожесточеніе враждебны психологическому складу необладающему внѣшней энергіею, и чувства находятъ себѣ

точку приложенія лишь въ религіозномъ направленіи жизни, подчиненной всецѣло традиціямъ.

Флегматическій темпераментъ служитъ психофизической стороною группы интеллектуальныхъ характеровъ. Психическая медленность позволяетъ мыслямъ развиваться черезъ ассоціаціи. Слабыя чувствованія не нарушаютъ спокойствія и хладнокровія необходимыхъ для размышленія.

Вся жизнь индивидуальностей этой группы подчинена основному стремленію къ удовлетворенію умственныхъ потребностей. Преобладаніе идей и представленій чисто спекулятивнаго направленія не даютъ импульсовъ для проявленія волевой энергіи. Вѣчный анализъ явленій, изслѣдованіе причинъ, детерминизма человѣческихъ дѣйствій, внутренней необходимости всего сущаго—парализуютъ чувствительность, раскрывая факты, какъ цѣпь неизбѣжныхъ слѣдствій въ ряду предшествующихъ причинъ. Міръ существуетъ въ ихъ глазахъ, для того, чтобы давать матеріаль для размышленій. Жизнь ихъ нерѣдко сводится къ однообразной рутинѣ изъ боязни безпокойствъ, которыя могутъ помѣшать наслажденіямъ отвлеченнаго мышленія. Низшую форму этой группы представляютъ личности, жизнь которыхъ поглощена собираніемъ безконечныхъ коллекцій навизываніемъ фактовъ безъ склонности подвергать ихъ синтезу и создать научныя теоріи. Высшими представителями являются люди науки, ученые и философы.

Тургеневъ въ образѣ трудолюбиваго, лишеннаго эгоизма, „Берсеньева“ мягкими чертами обрисовалъ представителя тѣхъ жрецовъ науки, которыми гордится русское дворянство.

XV.

Флегматическій темпераментъ, осложняясь элементами холерическаго, служитъ органическою психофизическою стороною умственно дѣятельной формы характера. Идеи и представленія, являясь источниками аффективныхъ возбужденій, становятся стимулами поступковъ и энергичной дѣятельности.

Между тѣмъ какъ въ формѣ интеллектуальнаго характера умственная энергія растрачивается на то, чтобы долгое время неотступно преслѣдовать одну и ту же задачу, бороться противъ нервнаго и физическаго утомленія, застав-

ляя довести до конца умственный трудъ, въ умственно-дѣятельной формѣ характера умственная энергія переходитъ въ волевую сферу, обнаруживаясь во внѣшней дѣятельности. Знаменитые историческіе дѣятели являются конкретными иллюстраціями къ сказанному. Мемуары Цезаря доставляютъ обильный матеріалъ при характеристикѣ этой группы. Холодная предусмотрительность, неутомимость, взвѣшивание шансовъ за и противъ, безстрастное отношеніе къ явленіямъ, долженствующимъ вызывать сильныя эмоціи, трезвая разсудительность, дѣйствующая въ самые критическіе моменты служатъ отличительными чертами умственно-дѣятельной формы характера. Рибо и его школа не признаютъ за умомъ активной силы, являющейся стимуломъ энергичной дѣятельности положенія: во-первыхъ,—въ виду того, что умственные способности развиваются только съ лѣтами, то по этому активная его производительность является сомнительной; во-вторыхъ, умственная способность образуетъ вторичный поверхностный слой, а отсюда необходимо считать дѣятельность ума въ образованіи характера лишь косвенною и посредственною. Эти положенія едва ли слѣдуетъ считать правильными, такъ какъ умственные процессы могутъ служить источниками своеобразныхъ аффективныхъ возбужденій, переходящихъ въ волевыя дѣйствія.

Всякая идея заключаетъ въ себѣ импульсъ, который стремится къ осуществленію. Сила ея заключается въ томъ внутреннемъ влеченіи, которая требуетъ активнаго проявленія. Особенною потребностью къ активности отличаются интеллектуальныя чувствованія, которыя, достигая опредѣленной интенсивности, могутъ противоборствовать зарожденію страстей и являться внутренними препятствіями по отношенію къ грубымъ силамъ слѣпыхъ чувствъ. Считать интеллектуальныя чувствованія за призраки, какъ это дѣлаетъ Рибо, значитъ впадать въ ошибку не только съ точки зрѣнія психологическаго опыта и наблюденія, но и съ точки зрѣнія этики, такъ какъ въ образованіи и развитіи правильныхъ и возвышенныхъ интеллектуальныхъ чувствованій заключается залогъ къ нравственному совершенствованію, секретъ того могучаго благотворнаго вліянія, которое оказываетъ литература, и тотъ основной фундаментъ, на которомъ зиждется моральное воспитаніе.

Группа умственно дѣятельныхъ характеровъ обнимаетъ собою, какъ и всѣ основныя группы, многіе разряды разновидности, смотря по преобладанію господствующихъ элементовъ, получающихъ перевѣсъ и сообщающихъ извѣстное направленіе всему характеру. Въ высшій разрядъ умственно эмоциональныхъ характеровъ входятъ индивидуальности съ принципиальнымъ складомъ ума и моральнымъ направлениемъ мыслей и чувствъ. Внутренняя волевая энергія задерживаетъ развитіе склонностей, находящихся въ противорѣчьи съ нравственнымъ идеаломъ. Внѣшнія проявленія дѣятельности находятся въ неразрывной связи съ общимъ строемъ міросозерцанія и вытекаютъ изъ руководящихъ идей, какъ прикладныя активныя слѣдствія общихъ принциповъ. Психическій строй этой формы характера отличается относительно уравновѣшенностью душевныхъ силъ, находящихся въ распоряженіи умственныхъ процессовъ. Въ общественной дѣятельности индивидуальности этой группы проявляютъ непоколебимую стойкость убѣжденій, самостоятельность въ дѣйствіяхъ, логическую послѣдовательность и тщательную обдуманность во всѣхъ поступкахъ. Въ обыденной жизни этотъ характеръ отличается сдержанностью, благоразуміемъ, предусмотрительностью и вдумчивымъ, отчасти скептическимъ отношеніемъ къ окружающимъ явленіямъ, которыя подвергаются неутомимому анализу и обстоятельной провѣркѣ прежде чѣмъ приведутъ къ окончательнымъ выводамъ и заключеніямъ. Въ окружающихъ людяхъ эта форма характера возбуждаетъ чаще уваженіе, чѣмъ симпатію. Основными условіями для сформированія этого характера, является раціональное воспитаніе, культурная обстановка жизни, сознательное широкое профессиональное развитіе на почвѣ общаго образованія, объединяющее всѣ стремленія въ общемъ руслѣ опредѣленной дѣятельности. Съ развитіемъ образованности и культуры число индивидуальностей этого разряда умственно дѣятельной формы характера возрастаетъ.

Его представители становятся полезными дѣятелями на разнообразныхъ служебныхъ поприщахъ въ средѣ общественнаго самоуправленія. Художественной иллюстраціей этой формы характера является типъ Сергѣя Ивановича Левина въ романѣ Толстого „Анна Каренина“.

XVI.

Другой разрядъ этой группы представляетъ разсудочно-дѣятельный характеръ. Отличительною чертою этого разряда индивидуальностей является дѣловая разсудительность. Черствый педантизмъ, недостаточность эмоцій сочетается въ этихъ холодныхъ натурахъ съ настойчивою активностью, никогда не поддающейся ни увлеченіямъ, ни мгновеннымъ взрывамъ чувствъ, ни временнымъ настроеніямъ.

Строгая заранѣе выработанная послѣдовательность вытекаетъ изъ сухой безжизненной программы, разъ навсегда начертанный и подчиняющей себѣ всѣ привычки и вкусы. Никакія жизненныя столкновенія не выводятъ эту форму характера изъ ея сформированности; поступки всегда являются результатомъ холодной разсудительности, нерѣдко на почвѣ черстватаго эгоизма, неразрывно связаннаго съ дѣломъ, которому они служатъ не какъ свободные дѣятели, а какъ вѣрные, преданные всѣмъ своимъ существомъ дѣльцы, не допускающіе ни малѣйшаго отступленія отъ формальнаго кодекса обязанности и не считающіе нужнымъ дѣлать для жизни ни малѣйшихъ отступленій, уступокъ, и колебаній. Въ окружающихъ эти характеры не вселяютъ ни любви, ни уваженія. Нерѣдко импонирующая законность, не допускающая никакихъ послабленій, служитъ источникомъ боязни и трепета въ лицахъ, связанныхъ съ ними обязательными отношеніями. Основными условіями, благоприятно вліяющими на сформированіе и развитіе этого характера, являются неумѣренно строгое воспитаніе, не допускающее проявленія чувствительности, вѣчное пребываніе въ сферѣ исполненія суровыхъ обязанностей и тотъ духъ карьеризма, который захватываетъ эти индивидуальности и подчиняетъ всѣ ихъ стремленія и склонности въ ранніе періоды сознательной жизни. Обычная сфера дѣятельности этого характера по преимуществу бюрократическая.

Въ безукоризненно сохранномъ образѣ сановника Алексѣя Александровича Каренина, Толстой воплотилъ эту форму характера въ жизненный типъ.

Представители разсудочнаго разряда умственно дѣятельной формы характера съ опредѣленными особенностями нерѣдко наблюдаются также среди биржевыхъ дѣльцовъ и въ промышленно-торговой сферѣ дѣятельности.

Отдѣльный разрядъ группы умственно-дѣятельнаго характера представляютъ суровые стойки и мудрые, но холодные поборники требованій отвлеченной этики, а также адепты многочисленныхъ религіозныхъ ученій и системъ. Активные герои самоограниченія и самоотреченія, неуклонные проповѣдники смиренія и аскетизма, являются представителями этого разряда характеровъ.

Фанатическая преданность идеѣ и суровая проповѣдь не привлекаютъ обыкновенно симпатіи, но эти люди поработаютъ окружающихъ силою своей желѣзной энергіи и стойкимъ, неуклоннымъ слѣдованіемъ по пути самоотверженія, съ принесеніемъ въ жертву всѣхъ богатыхъ даровъ жизни и нерѣдко благосостоянія и счастья окружающихъ лицъ. Могучими штрихами Ибсенъ изобразилъ титаническую фигуру „Бранда“ съ его неумолимымъ девизомъ „все или ничего“, неотступно слѣдовавшаго по тернистому пути проповѣдничества. Послѣдовательность Бранда доходить до безчеловѣчной жестокости; онъ отказываетъ родной матери въ предсмертной исповѣди за то, что она не желаетъ отказаться отъ всего своего имущества; для успѣха пропаганды онъ жертвуетъ жизнью единственнаго сына и жены, горячо преданной ему и его идеѣ,—ихъ организмъ не выноситъ вредныхъ условій болотистой мѣстности и суроваго климата въ глухомъ краю, гдѣ чувствуется наибольшая потребность въ религіозно-моральной проповѣди.

XVII.

Яркую противоположность съ умственно-дѣятельной формой представляетъ группа умственно-эмоціональныхъ характеровъ, психофизической стороной которыхъ является темпераментъ, занимающій промежуточное мѣсто между флегматическимъ и меланхолическимъ темпераментами.

Характерными чертами этой группы является преобладаніе умственныхъ и эмоціональныхъ процессовъ при полномъ почти отсутствіи волевой энергіи. Отличительною чертою этой формы характера бываетъ рефлексія, которая губитъ органически слабую энергію, уничтожаетъ всякое наслажденіе и не допускаетъ беззавѣтно отдаваться чувствамъ.

Безсмертный образъ датскаго принца Гамлета возбуждалъ

постоянно противорѣчивыя объясненія критиковъ. Гете видѣлъ въ этой трагедіи „великое дѣло, возложенное на чело-вѣка, которому не дано отъ природы силъ къ совершенію его“. Дауденъ, напротивъ, объясняетъ Гамлета, какъ натуру горячую, пламенную, активную. Какъ ни противорѣчивы эти два основныя мнѣнія о загадочномъ характерѣ датскаго принца, оба они заключаютъ долю справедливости. Активность Гамлета проявляется только въ мгновенныхъ вспышкахъ, въ проявленіяхъ бурной желчной ироніи, въ его гордой, нескрываемой, но безсильной ненависти къ дядѣ. Всѣ эти волненія, переходы и колебанія „бѣснующагося, какъ вѣтеръ въ борьбѣ съ моремъ“, принца объясняются исключительно импульсивностью его натуры. На самомъ же дѣлѣ этотъ колоссальный характеръ представляетъ собою синтезъ могучаго философскаго ума, гордо парящаго надъ ничтожествомъ окружающихъ, съ чуткой, глубокой отзывчивой душой, безконечно терзающеюся окружающею пошлостью, при полномъ отсутствіи духа инициативы, съ тою слабостью воли, по винѣ которой онъ обреченъ пребывать безпомощнымъ предъ фатальною необходимостью проявленія волевой энергіи для разрѣшенія проблемы мести.

Тургеневъ стяжалъ себѣ заслуженныя лавры въ значительной мѣрѣ художественнымъ изображеніемъ лишнихъ людей, надломленныхъ рефлексіей, грызуновъ, самоѣдовъ, гамлетиковъ. Неждановъ изъ „Нови“, авторъ „Дневника Лишняго Человѣка“, Гамлетъ Шигровскаго уѣзда съ одной стороны и Рудинъ съ другой являются художественными иллюстраціями умственно-эмоціональной формы характера, органически лишенной волевой энергіи. Эти характеры съ непреодолимою маніей къ самоанализу, углубленію въ безконечныя наблюденія надъ ничтожнѣйшими измѣненіями собственной психики, съ эгоистическимъ складомъ мелкихъ натуръ, являются при излишней утонченности ума и чрезмерной нервной впечатлительности болѣзненными явленіями русской жизни, дающей такъ мало простора для дѣятельности, для проявленія и развитія личной инициативы.

XVIII.

— Третью обширную группу (послѣ эмоціональной и умственной формы характера) представляютъ характеры воле-

вые, Холерическій темпераментъ является психо-физическою стороною волевой формы характера. Сильная и быстрая внутренняя жизнедѣятельность расходуетъ избыткомъ энергіи въ нервной и мускульной тратѣ. Расходное движеніе быстро возмѣщается приходнымъ движеніемъ, которое передается двигательнымъ нервнымъ волокнамъ. Сильное и быстрое раздраженіе вызываетъ или двигательные эффекты, или эффекты волевой задержки. Необходимость проявленія волевой энергіи составляетъ характерную черту этой группы. Смотря по преобладанію внѣшней дѣятельности воли, или интенсивности внутреннихъ волевыхъ процессовъ, или энергичности проявленій какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ волевыхъ процессовъ, основная группа волевыхъ характеровъ распадается на три ясно дифференцированныхъ разряда.

Перевѣсъ задерживающей воли характеризуетъ первый разрядъ этой группы. Самообладаніе и выдержка составляютъ отличительныя черты этой группы характеровъ. Внѣшнія проявленія активной энергіи являются не какъ рефлекторныя отраженія внѣшнихъ импульсовъ, а представляютъ результатъ взаимодѣйствія внутреннихъ психическихъ силъ, находящихся въ полномъ распоряженіи задерживательной воли. Поэтому нерѣдко внѣшнее обнаруженіе этой формы характера вовсе не отвѣчаетъ внутреннему психическому состоянію индивидуальности. Располагая самопроизвольно наружными проявленіями вслѣдствіе интенсивности внутреннихъ волевыхъ процессовъ, эта форма характера нерѣдко впадаетъ въ манерность и фальшивую искусственность. Обнаруживая склонности, душевное свойство, внутреннее волненіе, желаніе и дѣйствіе того характера, какой нуженъ и цѣлесообразенъ въ данный моментъ, и управляя всей координаціей психическихъ элементовъ по своему произволу, этотъ характеръ обладаетъ большою житейскою силою, возрастающей съ опытностью и часто проявляющею энергичное вліяніе въ широкихъ размѣрахъ дѣятельности.

Благоприятствующія условія для развитія этой формы характера представляютъ систематическое воспитаніе, жизнь среди обстановки, вынуждающей личность неустанно быть на сторожѣ, въ средѣ, гдѣ всякія экспансивныя проявленія психической жизни влекутъ за собою неблагоприятныя по-

слѣдствія, особенно способствующія развитію строгаго наблюденія за собой и постоянной самодѣятельности въ унисонъ съ требованіями окружающей жизни.

Среди индивидуальностей, поставленныхъ жизнью въ стѣсненные обстоятельства, занимающихъ въ своей средѣ положеніе болѣе или менѣе низкое и подчиненное, какъ у Бориса Друбецкаго въ романѣ „Война и Миръ“ Толстого,—нерѣдко наблюдается этотъ разрядъ характеровъ.

Сфера, наиболѣе соотвѣтствующая психическому складу активной формы характера съ развитіемъ внутренней волевой энергіи—дипломатическая, хотя и среди другихъ сферъ дѣятельности чиновнаго и военнаго міра наблюдается этотъ характеръ.

— Болѣе оригинальный характеръ волевой группы представляютъ формы характера съ преобладаніемъ активных проявленій энергіи во внѣшней дѣятельности. Въ зависимости отъ большей или меньшей интенсивности умственныхъ процессовъ, волевая дѣятельность является слѣдствіемъ или простыхъ побужденій, или имѣетъ своимъ источникомъ обдуманное рѣшеніе, являющееся результатомъ внутренней борьбы противоположныхъ рѣшеній. Эти психическіе факторы раздѣляютъ данный разрядъ волевыхъ характеровъ на низшую группу и на болѣе сложную, высшую.

Порывистая воля, являющаяся слѣдствіемъ простыхъ побужденій, твердость и настойчивость въ упорной борьбѣ съ препятствіями, неугасимая энергія и вѣчная потребность къ активности, вытекающая изъ органическаго развитія чувства дѣятельности, требующаго непрерывныхъ наружныхъ проявленій—характеризуютъ болѣе низкія формы активной группы.

Предпримчивыя, безпокойныя, ищущія удовлетворенія въ расходованіи физическихъ силъ и волевой энергіи, нерѣдко буйныя натуры въ обыденной жизни доставляющія много безпокойствъ своею необузданностью, превращаются въ героев въ историческіе моменты, требующіе энергическихъ проявленій кипучей дѣятельности. Литературную иллюстрацію этой формы характера наглядно представляетъ несравненный образъ Долохова изъ „Войны и Мира“, непосредственно взятый изъ жизни.

Эпоха войнъ, переселеній, внутреннихъ междоусобій вызы-

ваетъ къ дѣятельности и даетъ благопріятныя условія для обнаруживанія этихъ характеровъ.

Примѣрами высшихъ формъ активной группы, характеризующейся дѣятельностью, которая бываетъ плодомъ нерѣдко долготѣльныхъ обдуманыхъ рѣшеній, являются знаменитые отважные путешественники, обогащающіе науку новыми открытіями.

Большую психологическую сложностью отличаются тѣ формы характера, въ которыхъ волевые процессы направлены какъ на внутреннюю, такъ и на внѣшнюю дѣятельность.

Этотъ характеръ способенъ на упорный и непрерывный трудъ, неуклонно шагъ за шагомъ слѣдуя къ проведенію въ жизнь и разрѣшенію на дѣлѣ тѣхъ задачъ и проблемъ, которыя онъ самъ воздвигаетъ предъ собою или же къ разрѣшенію которыхъ принуждаютъ его жизненныя обстоятельства.

Запасъ внутренней волевой энергіи представляетъ живую силу, которую этотъ характеръ располагаетъ согласно господствующимъ мотивамъ. Мотивы эти опредѣляются выборомъ, реализующимися въ сложномъ волевомъ дѣйствіи.

Этотъ характеръ отличается наибольшою стойкостью и постоянствомъ; поступки являются результатомъ равнодѣйствующей установившихся склонностей.

Второстепенныя чувства находятся въ подчиненіи у преобладающихъ стремленій. Это наиболѣе цѣльныя натуры, сохраняющія извѣстнаго рода независимость чувствъ и мыслей путемъ устраненія тѣхъ вліяній, которыя мѣшаютъ объединенію личности.

Для развитія этой формы характера нужны особенно благопріятныя условія: рациональное воспитаніе, вся задача котораго въ томъ, чтобы не подавлять воли ребенка, но направлять ее къ поступкамъ, находящимся въ полномъ соотвѣтствіи съ внутреннимъ складомъ натуры; условія жизни не надламывающія энергіи, но постоянно вызывающія ее къ дѣятельности, и умственный трудъ, не допускающій болѣзненной рефлексіи и безплоднаго самоуглубленія.

Она въ художественномъ образѣ „Горнозаводчика“ обрисовала сильную натуру, обладающую внутренней волевой энергіею, благодаря которой, въ связи съ неутомимой дѣятельностью, человекъ является кузнецомъ своего счастья.

XIX.

Этотъ разрядъ волевой группы приближаетъ къ тому характеру, который отвѣчаетъ психологическому идеалу равновѣсія душевныхъ силъ и гармоническаго взаимодѣйствія всѣхъ внутреннихъ процессовъ безъ преобладанія однихъ въ ущербъ другимъ. Рибо едва-ли правъ, исключая уравнивѣшенный гармоническій характеръ изъ основныхъ группъ классификаціи.

Едва-ли справедливъ его взглядъ, что уравнивѣшенность является результатомъ простаго приспособленія и вызываетъ дѣятельность, находящуюся въ полномъ подчиненіи у внѣшнихъ обстоятельствъ.

Опредѣляя этотъ характеръ какъ летучій, неопредѣленный, блѣдный, граничащій съ безформенными характерами, Рибо полагаетъ, что онъ не удовлетворяетъ будто бы требованіямъ единства и стойкости.

Единство характера, однако, находится въ зависимости отъ силы и постоянства общей координаціи стремленій: стойкость же характера зависитъ отъ степени самостоятельности и сосредоточенности силы воли. Слѣдовательно гармоническая форма характера не исключаетъ принципа единства и стойкости. Требовать необходимаго преобладанія опредѣленныхъ психическихъ процессовъ это значитъ суживать объемъ термина „характеръ“.

Оригинальность, опредѣляющая всякій характеръ можетъ выражаться не въ преобладаніи тѣхъ или другихъ основныхъ психологическихъ факторовъ, а въ самыхъ свойствахъ, склонностяхъ и стремленіяхъ, получающихъ то или другое направленіе, въ зависимости отъ индивидуальныхъ особенностей.

Самобытность гармоническаго характера не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ сила вліянія обстоятельствъ и среды приспособляетъ основныя черты индивидуальности въ случаѣхъ недостатка силы и твердости душевнаго склада. Безсилъе и безцвѣтность характера отнюдь не находятся въ зависимости отъ преобладанія тѣхъ или другихъ психическихъ процессовъ, а обусловливаются недостаткомъ интенсивности и устойчивости коренныхъ свойствъ личности.

Притомъ же психологія гармонической формы характера

не заключаетъ внутреннихъ логическихъ противорѣчій. Одновременное развитіе всѣхъ основныхъ элементовъ духа не приводитъ къ нивилировкѣ склонностей, не уничтожаетъ индивидуальности. Гармоническое взаимодействіе духовныхъ силъ совмѣстимо съ развитіемъ сильной и самобытной индивидуальности. Сложныя чувства возникаютъ въ полной связи съ теченіемъ интеллектуальныхъ процессовъ, завершаясь внутренними волевыми дѣйствіями.

Внѣшнія проявленія волевой энергіи являются результатами борьбы стремленій. Духовное разновѣсіе — опредѣляющая черта гармоническаго характера — выражается внѣшнимъ образомъ въ стройной гармоніи всѣхъ склонностей и въ отсутствіи экспансивности, что вытекаетъ изъ внутренняго противодѣйствія внѣшнимъ импульсамъ. Борьба чувствъ и мотивовъ, обусловленная коллизіей психическихъ теченій, разрѣшается восстановленіемъ гармоніи, присущей органически этой формѣ характера, благодаря энергическому и равномерному взаимодействию всѣхъ духовныхъ силъ, объединенныхъ инициативою личности.

Какъ неугасимый маякъ истины, красоты и высшей правды, сіяетъ вѣчнымъ свѣтомъ образъ Учителя челоувѣчества, полный глубокой внутренней гармоніи, воплощенной не въ недоступной небесной вышинѣ, а въ суетномъ водоворотѣ будничной жизни, образъ, являющійся недосыгаемымъ идеаломъ совершеннѣйшаго характера.

Въ изящной литературѣ являлись попытки изобразить гармоническій характеръ идеальной личности. Но, отвѣчая иногда всѣмъ требованіямъ художественной концепціи и глубокой жизненной правдѣ, онѣ не создали ни одного типа идеальнаго характера.

Князь Мышкинъ въ романѣ „Идіотъ“ Достоевскаго при всей глубинѣ альтруистической природы, богатствѣ и широтѣ взглядовъ и идеаловъ, послѣдовательности въ дѣйствіяхъ во всѣхъ случаяхъ жизни, — является типомъ патологическимъ и лишеннымъ того чувства обыденнаго самолюбія, безъ котораго нельзя себѣ представить нормальную личность.

По мнѣнію Тургенева, выраженному словами „Шубина“ въ „Наканувѣ“, — у насъ нѣтъ настоящихъ людей и только слова Увара Ивановича, что „будутъ“, и названіе повѣсти,

является утѣшеніемъ въ этомъ пессимизмѣ. Однако его „Индсаровъ“ съ его нѣкоторыми комическими выходами, выведенный только въ однихъ приготовленіяхъ къ настоящему дѣлу, является образомъ не выдерживающимъ художественной критики.

„Соломинъ“ въ „Нови“ является съ наилучшей аттестаціей отъ автора. Это дѣловый, трезвый, ясный умъ, личность съ уравновѣшеннымъ душевнымъ складомъ; въ окружающихъ его сердечное, человѣческое отношеніе внушаетъ симпатію. Онъ отличается трудолюбіемъ и его дѣятельность вытекаетъ изъ трезвыхъ, ясныхъ и нерѣдко широкихъ идей.

По замысламъ Тургенева такимъ Соломинъ долженъ быть, но на дѣлѣ онъ является ходячимъ благоразуміемъ и въ романѣ вслѣдствіе вѣчной осторожности и осмотрительности играетъ весьма двусмысленную роль.

Французскій писатель Эдмондъ Абу въ „Романѣ хорошаго человѣка“ представилъ попытку изобразить идеальную личность и идеальнаго дѣятеля въ педагогической сферѣ. Фигура вышла туманная и безжизненная; отъ романа вѣетъ холодной моралью и въ немъ при всей глубокой продуманности темы не замѣтно ни на іоту художественнаго творчества, и таланта.

XX.

Хотя и невозможно указать литературный типъ, являющийся замѣстителемъ гармонической идеальной группы характеровъ, но все таки необходимо отмѣтить основныя внутреннія и внѣшнія условія, благоприятствующія сформированію и развитію этого характера. — Психофизической основой его является приближеніе къ тому темпераменту, который древніе называли „умѣреннымъ“ (*temperamentum temperatum*), заключающему въ себѣ всѣ черты основныхъ темпераментовъ въ равной пропорціи. Пассивное и активное отношеніе къ жизни проявляется съ умѣренной силою и быстротой. Жизнь функционируетъ подъ высокимъ давленіемъ и общее чувство жизни отличается бодростью и свѣжестью, вслѣдствіе чего замѣчается общая склонность къ яену и ровному настроенію. Этотъ темпераментъ имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда кровеносная, нервная и мышечная системы равномѣрно хорошо организованы и функционируютъ

въ гармоническомъ взаимодействіи. Фулье объясняетъ фізіологическую природу этого темперамента равновѣсіемъ достаточно сильной и быстрой интеграціи съ дизинтеграціей, также достаточно быстрой и интенсивной. Лесгафтъ видитъ анатомическую схему этого темперамента въ средней толщинѣ стѣнокъ кровеносныхъ сосудовъ и среднемъ діаметрѣ ихъ просвѣта.

Называя этотъ темпераментъ „нормальнымъ“, Лесгафтъ не опредѣляетъ самимъ этимъ терминомъ ни его сущности, ни его отличія отъ другихъ темпераментовъ. Чтобы отличить его и указать на его основныя черты, цѣлесообразнѣе опредѣлить его терминомъ „уравновѣщенный темпераментъ“, имѣя въ виду равномѣрную комбинацію всѣхъ основныхъ элементовъ.

Помимо особенно счастливыхъ органическихъ условій для сформированія и развитія гармоническаго характера, необходимы исключительно, благопріятныя условія со стороны воспитанія окружающей среды и социальныхъ основъ жизни.

При неуклонномъ слѣдованіи основнымъ принципамъ педагогики природный органическій складъ получаетъ надлежащее гармоническое развитіе. Главнымъ руководящимъ началомъ воспитанія служить изслѣдованіе природы характера и постоянное стремленіе приблизить развитіе всѣхъ духовныхъ силъ къ возможному равновѣсію. Средствомъ для этого должна служить забота о томъ, чтобы развивались слабыя способности, доставляя имъ посильную дѣятельность, и чтобы ослаблялось чрезмѣрное развитіе другихъ сторонъ характера, устранняя случаи ихъ дѣятельности. Безусловнаго метода существовать не можетъ, и, если врачебная практика дѣлаетъ тотъ выводъ, что приходится лѣчить не болѣзнь, а больного, то тѣмъ болѣе воспитаніе имѣетъ своей задачей не отвлеченную личность, а всегда данную конкретную индивидуальность. Наблюденіе указываетъ путь, по которому надлежитъ слѣдовать. Въ дѣлѣ воспитанія гармоническаго характера, какъ и въ раціональной медицинѣ, надо идти только на помощь природѣ, избѣгая искусственности и только помогая тѣмъ психологическимъ процессамъ, которые не обладаютъ достаточною быстротой и интенсивностью.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда замѣчается слабое развитіе чувствительности и представляется опасность холоднаго и черстваго характера, весьма важно чтобы равнодушное и безличное отношеніе къ жизни со стороны окружающихъ не развили этихъ природныхъ наклонностей въ характерѣ воспитываемаго.

Вызывая образы, затрогивающіе чувства, поддерживая мимолетный энтузіазмъ, являющійся проблескомъ эмоціи, и расширяя экспансивную силу сердца съ отдѣльнаго предмета на большій кругъ явленій, возможно предотвратить сформированіе характеровъ, отличающихся слабымъ эмоціональнымъ развитіемъ.

Равномѣрное развитіе внутренней и внѣшней волевой энергіи достигается заботою о развитіи природной силы воли и объ устраненіи причинъ, парализирующихъ ея дѣятельность. Не ставя свою волю вмѣсто воли ребенка, что влечетъ къ слабости и неспособности проявлять личную инициативу, не внушая мнѣнія, ослабляющаго энергію, объ отсутствіи значенія личности въ жизни и историческомъ ходѣ вещей, можно противоборствовать врожденной неподвижности и инертности, особенно если возбуждать чувство дѣятельности и указывать интересные стимулы для проявленія энергіи.

Внутренняя сила воли получаетъ свое развитіе благодаря заботамъ, чтобы съ ранняго возраста дѣйствіе умственнаго контроля, явленіе задержки и самообладанія сопутствовали жизненнымъ поступкамъ.

Правильное умственное развитіе составляетъ третью основную заботу воспитанія гармоническаго характера. Крайне серьезно приходится относиться къ тѣмъ безконечнымъ вопросамъ, которые вѣчно бродятъ въ дѣтскомъ умѣ и выражаются на тысячу разныхъ ладовъ. Въ этихъ случаяхъ обычные шаблонные отвѣты являются источникомъ смуты въ понятіяхъ и взглядахъ, которыми руководится дальнѣйшая жизнь. Отъ нормальнаго развитія удаляетъ иногда изолированное положеніе ребенка вдали отъ сверстниковъ, вѣчное пребываніе въ условіяхъ непонятной ему жизни, среди вопросовъ, на которые онъ не можетъ найти надлежащаго разрѣшенія. Меньше зла, если ложь и фальшь жизни касается психическаго строя, въ болѣе поздній возрастъ,

когда впечатлѣнія не налагаютъ уже глубокаго слѣда на весь складъ личности и когда подражательность ослаблена болѣе или менѣе развивавшимися правильными понятіями. Для развитія гармонической формы характера необходимы и благоприятныя, социальныя условія,—возможность надежды, что лучшія чувства не будутъ заглушены силою обстоятельствъ, а будутъ существенны на практикѣ.

Эпохи подъема общественнаго духа когда жизнь выходитъ изъ обычной подавляющей рутины и всеобщаго равнодушія къ вопросамъ общественнаго блага, и періоды реформъ и социальнаго обновленія, когда открываются новые пути для проявленія косныхъ силъ и потенциальной общественной энергіи—являются счастливыми моментами для развитія гармоническаго характера.

Въ эпохи же общественнаго застоя *и мертвящей и концентрирующей жизнь*, въ узкомъ кругѣ личныхъ и семейныхъ интересовъ, какъ въ переживаемое нами время, подобные характеры рѣдки и являются блестящими исключениями среди безцвѣтныхъ индивидуальностей, не проявляющихъ ни духа инициативы, ни плодотворной дѣятельности, которая бы имѣла своимъ источникомъ горячія непоколебимыя убѣжденія и возвышенные общественные идеалы...

Физическія, психологическія и социальныя отношенія являются такимъ образомъ, элементами, конструирующими характеръ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о происхожденіи индивидуальности, подчиняющейся всеобщему закону индивидуализации, объединяющему вѣчные процессы міровыхъ явленій—дифференціаціи и интеграціи,—приходится разсматривать характеръ, какъ индивидуальную психологическую организацію, обладающую опредѣленной цѣльностью и относительной замкнутостью вокругъ вѣчно загадочнаго центра, дѣлающаго возможнымъ возникновеніе сознанія, представляющаго синтезъ психическихъ процессовъ личности. Направленіе въ общемъ чувствъ жизни опредѣляетъ темпераментъ, данный отъ рожденія и измѣняющійся только при коренномъ измѣненіи организаціи. Темпераментъ есть совокупность органическихъ факторовъ, опредѣляющихъ основное настроеніе и господствующее направленіе въ чувствѣ жизни. Темпераментъ представляетъ фонъ, на которомъ, согласно направленію психическихъ процессовъ и

преобладанію однихъ надъ другими воздвигается характеръ. Характеръ есть совокупность основныхъ факторовъ психическихъ, регулирующихъ побужденія воли. Въ своей основѣ характеръ такъ же врожденъ и неизмѣненъ, какъ и темпераментъ. Но, осложняясь постепенно въ зависимости отъ многочисленныхъ вліяній, претерпѣвающихъ личностью со стороны внѣшнихъ явленій, характеръ подвергается неустанной эволюціи. Фазисы этой эволюціи представляютъ отдѣльныя эпохи въ развитіи характера, часто столь разнящіяся другъ отъ друга по основнымъ чертамъ, что бѣглый, непроницательный взглядъ не можетъ уловить ихъ общей духовной основы. Но если не принимать въ расчетъ переходящихъ чертъ возраста, взглядовъ дѣйствій и чувствъ являющихся отголосками окружающей семейной и общественной среды, а сосредоточить вниманіе на органическую родственность стремленій при замѣнѣ однихъ другими того же психологическаго порядка, то само собою опредѣлится общій духовный обликъ личности—ея настоящій характеръ. По вопросу о постоянствѣ характера говоритъ Овсянниковъ Куликовскій слѣдующее: „Анализируя нашъ внутренній міръ, мы легко отмѣтимъ тѣ психическія явленія, которыя въ теченіе всей нашей жизни представляются въ своихъ основныхъ чертахъ, стойкими и относительно неизмѣнными, между тѣмъ какъ другіе постоянно измѣняются, чередуются, появляются, исчезаютъ. Первыя могутъ быть названы постоянной психической величиной, а вторыя перемѣнной. Эти термины не должны быть понимаемы буквально, и нельзя признавать ихъ вполне точными, потому что, строго говоря, въ душѣ человѣческой нѣтъ ничего неизмѣннаго, въ ней все въ вѣчномъ движеніи. Но извѣстныя психическія явленія измѣняются чрезвычайно медленно, по каплямъ, и эти измѣненія едва доступны сознанію самого субъекта или наблюденію извнѣ. Есть и такія измѣненія, которыя совсѣмъ не сознаются и не подлежатъ никакому наблюденію въ то время, когда они происходятъ, и только ученое изслѣдованіе результатовъ ими произведенныхъ удостовѣряетъ ихъ наличность. Къ числу чертъ, измѣненіе которыхъ замѣчается только по прошествіи многихъ лѣтъ, принадлежатъ, напримѣръ, черты индивидуальнаго характера человека. Рѣзкая, быстрая перемѣна характера возможна только

при извѣстныхъ душевныхъ заболѣваніяхъ (при такъ называемомъ раздвоеніи личности). При душевномъ здоровьѣ характеръ остается въ своихъ основныхъ чертахъ относительно неизмѣннымъ, т. е. тѣ чертѣны, которымъ онъ подвергается съ теченіемъ времени, или незамѣтны, или такъ не существенны, что мы считаемъ ихъ равными нулю“.

Но это коренное постоянство темперамента и основныхъ элементовъ характера не даетъ права заключать о статической, субстанціальной природѣ; *характеръ является агрегатомъ психическихъ процессовъ, реализующихся въ конкретныхъ проявленіяхъ въ жизни.*

Въ зависимости отъ того или другого преобладанія процессовъ является принадлежность характера къ той или другой психологической группѣ. Характеръ обязанъ своими свойствами корню, отпрыскомъ котораго въ силу наследственности онъ является. Отдѣльныя же черты духовнаго склада, склонности и стремленія формируются подъ вліяніемъ воспитанія, семейныхъ особенностей жизни и общихъ соціальныхъ условій. Для апперцепціи характеровъ во всей психологической, эстетической и этической ихъ сложности подъ непрестаннымъ воздѣйствіемъ внѣшнихъ вліяній, — служатъ литературныя типы. Типъ есть концентрація общихъ свойствъ, полученныхъ путемъ отвлеченія отъ ряда сходныхъ индивидуальностей, въ главныхъ моментахъ. Подобіе составленія типовъ можно видѣть въ фотографіи, гдѣ посредствомъ закрѣпленія снимковъ въ разныхъ положеніяхъ получаютъ общій типическій образъ, наиболѣе отвѣчающій главнымъ чертамъ оригинала въ общихъ чертахъ. Типы являются замѣстителями однородныхъ разрядовъ индивидуальностей, въ формѣ нераздѣльнаго синтеза абстрактныхъ и конкретныхъ началъ въ отдѣльныхъ образахъ, и знаменуютъ собою вѣчное движеніе жизни и ходъ внутренняго прогресса въ его отраженіяхъ на душевномъ складѣ людей.

Евгеній Журавовскій.
